[15] **См. Каган М.С.** Человеческая деятельность (опыт системного анализа). – М., 1974 – С. 45–46.

[16] См. **Жданов Н.В.** Правовые аспекты борьбы с террористическими актами международного характера. – С. 10; **Ляхов Е.Г.** Политика терроризма – политика насилия и агрессии. – М., 1987. – С. 60.

[17] См. **Ляхов Е.Г.** Политика терроризма – политика насилия и агрессии. – С. 53.

[18] **Коржанский Н.И.** Предмет преступления. – Волгоград, 1976. – С. 17.

МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВ И РЕГУЛЯТИВНЫЕ СВОЙСТВА НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В.А. Соколов*

Решение государствами различных вопросов международного характера опирается на широкий диапазон юридических норм, содержащихся в конкретных соглашениях. Выполнение обязательств по Уставу ООН, политических, экономических и иных соглашений, решений международных судебных и арбитражных органов происходит на основе реализации широкого круга содержащихся в них юридических норм, отличающихся друг от друга своими регулятивными свойствами. Эффективная реализация международных договоров и решений соответствующих органов возможна на основе учета особенностей норм международного права, одной из которых выступает заложенная в них модель правового поведения государств.

Суть международно-правового регулирования отношений между государствами состоит в том, что процесс согласования их воль проходит несколько этапов. Первым из этих этапов является закрепление в нормах международного права модели их юридического поведения. Закрепляя в нормах международного права согласованно разработанные модели правового поведения, государства уже на этом этапе формируют направление реализации нормы международного права и обеспечивают ее эффективность.

Понятие модели правового поведения государств

Каждая норма международного права представляет собой результат объективации согласованных воль государств на основе

* Профессор кафедры международного права МГИМО МИД РФ, доктор юридических наук.

сознательного и целеустремленного формирования ее представителями государств. Такое формирование включает определение не только общих контуров норм, но и содержания всех ее частей с учетом их функционального назначения. Это происходит в силу того, что каждая норма международного соглашения являет собой организационное единство, состоящее из ряда взаимосвязанных элементов, системное структурное образование, построенное путем согласования волеизъявлений государств относительно каждого компонента нормы международного соглашения.

Создавая норму международного права из взаимосвязанных элементов, государства соединяют и располагают их таким образом, что создается определенная устойчивая модель их правового поведения, которая регулирует через индивидуальные воли фактическое поведение договаривающихся государств. Построение такой модели правового поведения представляет собой одну из стадий разработки нормы, что достаточно широко признается и в отечественной, и в зарубежной доктрине международного права.

Ряд зарубежных ученых понятием моделирования обозначают лишь отдельную сторону нормы международного права или же рассматривают модель правового поведения лишь как символ, назначение которого – в условном знаке передать содержащуюся в нем мысль. Так, представители бихейвиоризма построением социально-психологических моделей поведения охватывают лишь форму норм международного права[1], не связывая этот подход с изучением ее регулятивных свойств, а последователи финализма – Х. Клами, А. Росс, С. Кассио – рассматривают модель поведения лишь как условный знак[2], который выступает как конечная цель договаривающихся государств. Такого рода подходы к определению моделей правового поведения, как нам представляется, не выявляют зависимости между моделями поведения и регулятивными свойствами норм международных соглашений. Между тем эта зависимость определяет эффективность норм международного права, и поэтому ее нельзя недооценивать при разработке норм международных соглашений.

В нашей теории международного права признается определенная связь моделей правового поведения государств и форм реализации норм международного права. Так, С.Б. Раскалей обращает внимание на определяющее значение модели поведения государств для такой формы реализации норм международного права, как международные правоотношения; В.Г. Буткевич подчеркивает наличие в норме международного права модели правового поведения; П.М. Курис пишет о правоотношении и ставит его в связь с содержанием нормы международного права[3], то есть моделью поведения.

Такая связь отмечается и зарубежными учеными-международниками, но и они не раскрывают эту связь и ее составляющие.

Создание модели правового поведения встает как конкретная задача перед каждым государством, участвующим в подготовке международного соглашения. С формально-правовой точки зрения эта модель является целеполаганием для творцов нормы, но если у соглашения в целом цель единая, то у каждой конкретной нормы ближайшие цели разные. Поэтому в каждом договоре, как правило, присутствуют нормы с различными моделями правового поведения, более или менее совершенными.

Еще большее разнообразие моделей правового поведения по специфике организации юридического содержания наблюдается в рамках широко разветвленных отношений мирного сосуществования, особенно в областях, связанных с разоружением; с созданием системы коллективной безопасности, нового международного экономического порядка и т.д. Но какими бы разными ни были модели поведения, как разрабатываемые, так и уже содержащиеся в нормах международного публичного права, все они должны удовлетворять единому требованию – каждый из компонентов в отдельности и вся система их в целом должны не только объективно отражать регулируемые отношения, но и учитывать базисные, экономические и политические факторы международной жизни, чтобы тем самым предопределять высокую эффективность реализации соответствующей нормы соглашения. В противном случае модель поведения будет искусственной, нежизнеспособной, а сама норма с самого начала – мертворожденной.

При разработке модели правового поведения государства выражают все многообразие конкретных отношений, подлежащих регулированию, в определенных формулах, закрепляя в них типичные свойства их компонентов, а затем последние связывают в систему. Только такой подход к построению модели фиксирует обобщенные характерные черты большого числа определенных однородных отношений. В результате включения в нее всего типичного и необходимого и отбрасывания индивидуальных представлений модель становится комплексом необходимых элементов. В любой модели, пишет в этой связи Д.И. Гвишиани, собираются лишь "наиболее зависимые друг от друга элементы"[4].

Необходимая степень общности модели правового поведения, соразмерная регулируемым отношениям, достигается с помощью придания формальной определенности каждому из ее компонентов в отдельности и логической увязки всей этой системы в модель правового поведения. Вместе с тем такая определенность не может опускаться до излишней детализации или, наоборот, переходить в

аморфность. Расплывчатые, неконкретные модели поведения превращаются в юридические фикции и утрачивают способность воздействовать на регулируемые отношения. Формальная определенность модели устанавливает границу регулируемых ею отношений, за которой начинается зона внеюридического пространства. Если бы такой границы не существовало, то норму международного права субъекты международного права воспринимали бы и реализовывали каждый по-своему, результатом чего было бы не эффективное регулирование международных отношений с возможностью мирного разрешения спорных вопросов, а расхождения в толковании, несоблюдение и нарушение норм, конфликты.

Таким образом, даже искусно составленная, но недостаточно определенная модель правового поведения государств может оказаться неэффективным инструментом регулирования. Пример тому – положения статьи 5 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 года. Данная статья, содержащая право производить нерегулярные полеты с некоммерческими целями без получения предварительного разрешения, не соблюдается многими участниками этого общего многостороннего договора универсального характера. Недостаток соответствующей модели правового поведения – в ее искусственной претензии на универсальность, хотя исправить его было легко, закрепив в Конвенции право на оговорку по данной статье.

Отмеченная выше зависимость между степенью определенности модели правового поведения и регулятивными свойствами норм международного права одинаково проявляется во всех без исключения нормах международного права. Это обстоятельство нередко используется государствами, стремящимися произвольно освободить себя от взятых обязательств. Они намеренно идут на создание норм международных соглашений с настолько неопределенными границами каждого из составляющих их компонентов, что пределы их регулятивного воздействия оказываются размытыми. Это несовершенство конструктивных особенностей модели правового поведения, содержащихся главным образом в нормах-принципах, дало основание назвать их "несовершенным правом"[5].

Следует отличать степень определенности компонентов от уровня их типизации в моделях правового поведения, на который опирается реализация норм международного права. Уровень типизации того или иного компонента или модели правового поведения в целом образуется комплексом согласованных признаков, на основании которых происходит отбор реальных явлений при регулировании отношений, что и определяет ту черту, ниже которой не вправе опуститься ни одно государство при реализации данной нормы

соглашения. Выбор такого уровня всецело относится к соглашению государств. Из всей совокупности признаков реального явления они выбирают для создания того или иного компонента или всей модели правового поведения только те, которые имеют для них особое значение, но существенными они могут и не быть и создают из них образец, каковым и являются каждый компонент и вся модель правового поведения в целом.

Степень определенности модели правового поведения – это проблема языкового изложения этих признаков, уровня их типизации. Тот или иной уровень типизации модели правового поведения, каким бы он ни был, всегда является набором признаков. Определенность каждого из этих признаков выражается в словесной форме, поэтому неудовлетворительная степень определенности каждого из компонентов модели требует не изменения уровня типизации*, а изменения языковой конструкции, той совокупности слов, с помощью которой достигается та или иная определенность.

Модель правового поведения является лишь образцом поведения государств, который заключает в себе всего лишь юридическую возможность запрограммированного поведения. Превращение же такой возможности в действительность совершается в процессе реализации нормы международного права. Используя эту модель для построения и соизмерения своего фактического индивидуального поведения, государства достигают единства реального поведения, запрограммированного в модели. Разумеется, эту общетеоретическую посылку нельзя абсолютизировать таким образом, что любые законодательные и практические меры участника международного договора во всех случаях являются лишь реализацией модели поведения, заложенной в норме договора. Так, например, уровень начального образования в бывшем СССР (т.е. реальное поведение) был закреплен в национальном законодательстве задолго до появления Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, установившего определенную модель поведения. Так что можно сделать вывод о том, что эффективность модели правового поведения достигается лишь более высоким (по сравнению с национальным) уровнем ее типизации. Поэтому, хотя модель поведения государств и представляет собой программу их будущего поведения, все же она строится с учетом позитивных стандартов их прошлого поведения.

---

* Уровень типизации, по нашему мнению, меняется посредством принятия национального законодательства либо путем заключения дополнительных соглашений.

Однако факт осуществления, реализации нормы международного права не понижает уровня ее типизации и не приводит к тому, что, как полагает В.Н. Хонин, "норма права перестает существовать после того, как реализовано правоотношение"[6]. Это утверждение правильно лишь для индивидуальных норм, содержащихся в таком, например, договоре, как соглашение между США и СССР по программе "Союз – Аполлон", поскольку они рассчитаны на однократную реализацию. Но оно ошибочно для норм международного права, рассчитанных на неограниченное число субъектов и на типичные ситуации. После первого и последующих случаев реализации такой нормы исчезает несоответствие между моделью правового поведения и фактическим поведением соответствующего субъекта, но сама норма и уровень ее типизации продолжают существовать, из нее возникают новые правоотношения. Если такая норма международного права прекратила бы свое существование после ее реализации даже всеми участниками договора, то с присоединением нового участника возникла бы потребность принятия ее заново, а международно-правовое регулирование отошло бы от задач формирования типического поведения государств и перешло бы на позиции натуралистического отображения международной действительности.

И, наконец, модель правового поведения государств как образец создается из разработанных договаривающимися сторонами компонентов, которые соединяются в целенаправленную конструкцию посредством только тех связей, которые образуют данную конструкцию и которые, в свою очередь, сами выступают компонентом модели правового поведения государств. Однако в практике международно-правового регулирования не прослеживается единый для всех моделей правового поведения тип связи, его нет и быть не может. В самом деле, если модель правового поведения в обыкновенной регулятивной норме, например, включает в себя коррелятивные связи, то модель правового поведения норм-принципов исключает их. Или, например, модели правового поведения квалификационных норм строятся на иных связях. Тем не менее, несмотря на все эти различия, указанные связи обладают общим признаком – нормативностью, то есть они возникают в рамках данной согласованной государствами нормы международного права, живут и исчезают вместе с данной нормой.

Модель правового поведения государств и нормативная основа межгосударственных правоотношений

Отмеченная выше зависимость регулятивных свойств норм международного права от модели правового поведения государства

имеет место во всех без исключения случаях и позволяет выделить те модели правового поведения и те нормы международного права, которые реализуются в форме межгосударственных правоотношений и, следовательно, выступают их нормативной основой. Те модели правового поведения, которые реализуются в межгосударственных правоотношениях, имеют в сравнении с иными моделями свои особенности и выделяются в особую группу. Определение круга таких норм составляет важную теоретическую проблему, еще не исследованную в науке международного права.

В настоящее время идет процесс формирования норм международного права, обладающих особыми свойствами, способностью регулировать неизвестные ранее международные отношения. Он начинает захватывать такие сферы отношений государств, как международные хозяйственные отношения, сферу международного транспорта и связи и т.п. Это свидетельствует не только об углублении различий в моделях норм международного права, но и о том большом потенциале регулятивных способностей, которые таятся в каждой из них и которые, несомненно, найдут применение в международной практике, охватывающей все новые и новые области взаимоотношений государств.

Задачу установления связи модели правового поведения с формой ее реализации можно решить, если подойти к норме международного права с точки зрения выявления особенностей содержащейся в ней модели правового поведения. В этом случае мы обнаруживаем, что все *нормы международного права подразделяются на регулятивные и специализированные.* Модели первой группы содержат механизм непосредственного регулирующего воздействия на международные отношения; модели второй таким механизмом не обладают, а в международно-правовое регулирование включаются косвенно.

Среди моделей поведения государств, заложенных в регулятивных нормах, прежде всего обращают на себя внимание модели *норм-принципов*, отличающиеся значительным своеобразием. Очерчивая пределы юридически дозволенного или недозволенного поведения, нормы-принципы оставляют государствам на их усмотрение совершение конкретных актов поведения. Модель нормы-принципа такова, что ее реализация осуществляется главным образом через информационный и социально-психологический механизм, действие которого выходит за рамки точно определенных прав и обязанностей. Эта особенность нормы-принципа позволяет ей быть как бы измерительным инструментом не только конкретных односторонних волеизъявлений государств, но и всего курса проводимой ими внешней политики.

Обращение государств к особой модели правового поведения в нормах-принципах международного права объясняется главным образом стремлением иметь руководящие начала для весьма широкой области их международных отношений. В отдельных случаях это может быть вызвано также желанием создать нормы международного права с широкими пределами, внутри которых могли бы "утонуть" серьезные разногласия и расхождения по конкретным вопросам международной жизни. Охватывая бесконечное число жизненных фактов и подчиняя их единому началу, выраженному в нормах-принципах, этот способ оставляет государствам весьма широкий простор для выбора вариантов поведения. Углубление же и развитие международных хозяйственных связей, расширение мирного сотрудничества государств ведут к конкретизации и детализации актов поведения, порождают все возрастающую потребность в точном поведении каждого государства на международной арене, требуют проведения четкой линии согласованного поведения.

Таким образом, нормы-принципы предопределяют возникновение конкретных правил поведения. Отсюда вытекает важная задача норм-принципов – формировать организационно-правовые начала претворения в жизнь конкретных норм международного права в межгосударственных правоотношениях. Без норм-принципов реализация таких норм не всегда приводит к достижению необходимого социального результата. Но и сами нормы-принципы конкретных правовых обязательств не порождают, поскольку отсутствие адресатов, наделенных соответствующими правами и обязанностями, открывает перед государствами возможность реализации этих норм-принципов при опоре на их общие юридические свойства и – как следствие этого – общие международные правовые связи. Исследуя эту форму реализации норм-принципов применительно к институту гражданства, С.В. Черниченко пишет, что "общепризнанные принципы международного права непосредственно не регулируют вопросы гражданства. Они лишь устанавливают правовые рамки"[7].

Модель поведения в норме-принципе не может содержать в качестве компонента юридические факты, так как они привязаны к конкретной ситуации и утрачивают свое значение вне ее, в то время как механизм нормы-принципа включается в действие с момента вступления соглашения государств в силу и действует непрерывно в рамках, установленных этой нормой, до момента утраты ею такой силы. Юридические факты в рамках таких общих международно-правовых связей могут служить основанием для оценки поведения государств, но не для движения и развития этих связей: Все это подтверждает вывод о том, что нормы-принципы в межгосударственных правоотношениях не реализуются.

Рассмотрим нормы второй группы. К ним относятся, в частности, *квалификационные нормы*, или *нормы-определения*, которые устанавливают официальное значение того или иного употребляемого термина, что придает целостность всему международному договору. Модель правового поведения в квалификационных нормах весьма специфична: она не содержит никаких правил поведения, фактов, условий, а строится на совокупности признаков, которые могут иметь место или появляться в тех или иных фактах международного значения. Совпадение такой модели, состоящей из комплекса признаков, с фактом международного значения приводит в действие механизм международно-правового регулирования. Значение квалификационных норм возрастает, когда международные отношения регулируются нормами-принципами. Именно отсутствие в их содержании модели с точными правами и обязанностями делает квалификационные нормы основным мерилом оценки реализации данной нормы-принципа, и поэтому они в определенном смысле восполняют содержание этих норм-принципов.

В модель правового поведения квалификационных норм включается их цель, которая не всегда ясно очерчена в их содержании и поэтому может логическим путем выводиться из него.

Так, статья 96 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 года содержит определение международного воздушного сообщения, цель которого состоит в том, чтобы отграничить данный вид транспорта от смежных с ним видов, что важно для правильного применения Конвенции. В статью 1 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года включены определения терминов "район", "орган", "деятельность в районе", "загрязнение морской среды", "захоронение", "государство-участник" с оговоркой об их применении лишь для целей Конвенции. Определения терминов могут и расходиться с аналогичными определениями, применяемыми в других договорах[8].

Квалификационные нормы включаются в юридический механизм непосредственно. С регулятивными нормами международного публичного права они связываются в процессе реализации, лишь в этой связи осуществляя свое регулятивное воздействие на международные отношения. Без связи с регулятивными нормами квалификационные нормы остаются оторванной от механизма международно-правового регулирования категорией.

Квалификационные нормы используются государствами также для оценки фактов, вызывающих, изменяющих или прекращающих юридические последствия; для разграничения правомерных и неправомерных ситуаций; для отделения одного явления от другого. Поскольку они содержат точные признаки рассматриваемых фактов

или явлений, это позволяет в соответствующих случаях точно квалифицировать ситуацию, с которой связано возникновение прав и обязанностей государств[9]. Практика показывает, что круг нормопределений постоянно расширяется. Появление новых явлений в международной жизни влечет за собой необходимость разработки и определения норм таких, например, международных преступлений, как экоцид, клиоцид и др. Потребуется введение в оборот новых квалификационных норм при заключении соглашения о поэтапном сокращении запасов ядерного оружия и обычных вооружений и т.д. В связи с рассматриваемым вопросом о модели правового поведения государств из числа норм международного публичного права, не реализующихся в межгосударственных правоотношениях, следует исключить и те *коллизионные (отсылочные) нормы*, реализация которых направлена на регулирование международных публичных отношений[10]. По мнению ученых-международников, признающих существование таких норм, они сами по себе непосредственно не воздействуют на те или иные межгосударственные публичные отношения. В международно-правовом регулятивном процессе такая норма – лишь первое звено двучленного регулятора. Ее функция заключается в том, чтобы отсылать регулирование возникающих публичных отношений между государствами к иной норме международного права.

Отсылка коллизионной (отсылочной) нормы представляет собой лишь отдельную регулятивную операцию, в силу которой данная норма не становится самостоятельной нормативной основой возникновения межгосударственных правоотношений. Она имеет свою отличную от других норм международного публичного права модель правового поведения. Если она и содержит права и обязанности государств, то лишь в отношении выбора соответствующей регулятивной нормы. Коллизионные нормы включают и аналог международных отношений, являющихся предметом правового регулирования. В процессе международно-правового регулирования она связывается с общим механизмом регулятивной нормы и лишь в данном отношении оказывает регулятивное воздействие и входит в нормативную основу. Утрата юридической силы регулятивной нормой приводит к разрушению этого единства, парализует и вынуждает к бездействию и саму коллизионную норму.

К числу норм международного права, которые не служат самостоятельной нормативной основой возникновения межгосударственных правоотношений, следует отнести и *декларативные нормы международного права*, используемые в международно-правовом регулировании на долговременной основе. Модель правового поведения в этих нормах неконкретна, не содержит ни прав, ни обя-

занностей. Содержание этой разновидности норм включает в себя лишь компоненты из области целей, задач, намерений, мотивов и т.п.

По характеру заложенной в них модели поведения существует группа достаточно многочисленных норм международного права, которые призваны привести в действие механизм регулирования определенных международных отношений либо прекратить его функционирование. Подобные нормы содержатся, например, в статье 11 Договора о нераспространении ядерного оружия (1968 г.), в статье 8 Соглашения между правительством СССР и правительством Королевства Дании о сотрудничестве в области агропромышленного комплекса (1986 г.) и др. Особенности заложенной в них модели правового поведения позволяют называть их оперативными. Модель правового поведения *оперативных норм* не включает ни прав, ни обязанностей, ограничена сферой данного соглашения и рядом соответствующих юридических фактов. Эта модель используется в нормах, устанавливающих сроки и порядок вступления в силу других норм данного соглашения. Посредством закрепления определенных фактов, имеющих юридическое значение, она вызывает определенное поведение государств, устанавливающее, прерывающее или, наоборот, возобновляющее юридические связи между государствами.

Проведенный анализ моделей поведения, содержащихся в специализированных нормах, показывает, что каждая из них в силу отсутствия четко определенных в их содержании прав и обязанностей не может непосредственно реализоваться в межгосударственных правоотношениях. Если нормы-принципы регулируют международные отношения непосредственно, то специализированные нормы международного права участвуют в этом процессе лишь косвенно. Как в том, так и в другом случае решающим фактором оказываются заключенные в них модели правового поведения, которые в силу своих особенностей не могут быть нормативной основой межгосударственных правоотношений.

Суть различий в моделях правового поведения государств и их влияния на регулятивные свойства различных норм международного права в том, что согласованные воли государств объективируются в них не единообразно. Создавая каждый раз норму международного публичного права, государства формируют ее как конструкцию, предназначенную для конкретных целей, и определяют уровень ее воздействия на свое будущее поведение. Поэтому нормативную основу межгосударственных правоотношений составляют лишь регулятивные нормы, содержащие точно определенные права и обязанности субъектов международного права.

[1] **Sheikh A.** International Law and National Behavior. A Behavioral Interpretation of Contemporary International Law and Politics. – N.Y., 1974. – P. 321.

[2] **Klami H.T.** The Finalistic Theory of Law//Conceptions contemporaines du droit. – Vol.1. – Part 2. – Wiesbaden, 1982. – P. 240.

[3] **Буткевич В.Г.** Экономическая интеграция стран социалистического содружества и соотношение международного и внутригосударственного права//Вестник Киевского ун-та. Серия междунар. отношения и междунар. право. 1977. – Вып. 4. – С. 60; **Курис П.М.** Международные правонарушения и ответственность государств. – Вильнюс, 1973. – С. 51.

[4] **Гвишиани Д.И.** Методология построения и анализа системно-экологических моделей//Природа моделей природы/Под ред. Гвишиани Д.И., Новика И.В., Пегова С.А. – М., 1986 – С. 18.

[5] **Marryman Y., Ackerman E.** Transit Trade of Land Locted States. – Hamburg, 1969. – P. 25; **Rawcett Y.** Trade and Finance in International Law//Recueil des cours. – Vol. 123. – Hague, 1968. – P. 266.

[6] **Хонин В.Н.** Объект международно-правового регулирования. – Киев, 1973. – С. 36.

[7] **Черниченко С.В.** Международно-правовые вопросы гражданства. – М., 1968. – С. 38.

[8] Например, в статье 1 Соглашения между СССР и Алжирской Народной Демократической Республикой о воздушном сообщении содержится такое определение "территории" (**Международные воздушные сообщения Союза ССР.** – Т.1. – М., 1968. – С. 42), которое отличается от других аналогичных определений по сущностным признакам. Однако это расхождение не делает такую норму прочной, поскольку в таком виде она действует лишь в рамках данного соглашения.

[9] Представляется, что в целях унификации понятийного аппарата целесообразно уже существующие нормы – определения, содержащие контуры правомерной (или неправомерной) модели поведения, – использовать при разработке последующих международных документов. Например, определение агрессии, принятое Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 году, можно использовать при разработке проекта статей о международно-правовой ответственности государств.

[10] О регулировании международных публичных отношений коллизионными (отсылочными) нормами см. **Ладыженский А.М.** К вопросу о юридической природе норм так называемого международного частного права//Вестник Московского университета. – 1948. – № 5, – С. 11; **Миронов Н.В.** Правовые нормы социалистической интеграции. – М., 1977. – С. 170, 172; **Ляхс М.** Многосторонние договоры. – М., 1960. – С. 235; **Jenks.** Conflict of Multilateral Treaties//The British Yearbook of International law. – 1953. – T.30. – P.430; **Szaszy J.** Conflict of Laws in the Western, Socialist and Developing Countries. – Budapest, 1974. – P. 37.